

Сердце разлома Blue Hole

Руслан Олейников ■ Фото автора и Вадима Шестаченко
Публикуется в сокращении

Палящее солнце зашло за башню минарета. В тени навесов, сколоченных бедуинами, было прохладно. Сидя на традиционных пестрых красочных арабских циновках, покрывающих каждый дюйм неровного глиняного пола, хотелось не отрывать взгляд от темного пятна неправильной формы на ультрамариново-голубой поверхности моря.

Разлом Блю Хоул. Он начинался буквально в трех шагах от места соприкосновения моря и суши. Небольшой по площади, едва превосходя размерами дворовую детскую площадку, он круто обрывался вниз и своими вертикальными склонами заставлял представлять, какой он там, на глубине, которая больше 120 метров. От этой мысли взгляд почему-то непроизвольно упал на вмурованные в скалу таблички с именами безвременно ушедших...

Только что мы завершили рекреационное погружение — пройдя через вертикальную

шахту El Bells и перевалившись через седловину подводной скалы, оказались в его чреве. Мы познакомились с ним на глубине лишь 7 метров, уже на всплытии. Но не смогли коснуться его сердца — той самой арки. Арки, о которой столько было читано-перечитано в Сети еще задолго до первых шагов в глубокий, более 30 метров, дайвинг. Да, мы побывали в разломе, но не постигли самого главного — арка находилась на недостижимых для погружений с одним баллоном 53 метрах...

От мыслей, перемешанных с чувством легкой досады, отвлек бедуин-официант, подавший горячий чай, которые весьма органично сочетается с атмосферой Ближнего Востока, властвующей вокруг. «Шукран джазилан!» — произношу с максимальным дружелюбием и улыбкой, что означает «Спасибо большое!». Улыбка улыбкой, но, увы, это лишь маска. На самом деле на сердце тоскли-

во из-за невозможности коснуться другого сердца — сердца Блю Хоула... Но сейчас сюда придут участники команды и нельзя даже намеком показать свое состояние. Твои проблемы — это только твои проблемы.

— Ну что, как дела? — улыбаясь, присаживается рядом лидер нашей команды Вадим.

— Слушай, ну все гуд! Сажу вот, перевариваю крайний дайв и изучаю профиль погружения, — мои слова недалеко от правды, в руках действительно компьютер. И в компьютере открыт дневник погружений — логбук, — диаграмма которого показывает профиль с максимальной глубиной 40 метров. Предельная глубина для бездекомпрессионного погружения. Дальше нельзя. От сердца Блю Хоула нас отделяли какие-то 13 метров. Такие простые на суше и такие непредсказуемые там, на глубине. Причина проста: запаса воздуха в одном баллоне хватит добраться до арки, но может не хва-

В конце нашего пребывания в Дахабе судьба свела еще с одним океаном — на это раз с песчаным. Синайская пустыня — часть пустыни Сахара, простирающейся от берегов Атлантики до азиатской части Египта

По правилам, в конце каждого дайв-сафари следует выждать не менее суток, прежде чем взмыть ввысь на борту авиалайнера. Поэтому, пока из крови выходили остатки азота, мы съездили в пустыню. Какие там великолепные барханы!

тить на обратный путь для выхода на поверхность. К тому же на такой глубине воздух расходуется почти в 3 раза быстрее, чем при неглубоком — до 10 метров — погружении. Отчетливо понимая, что технические условия такого погружения сегодня точно не нашей стороне, вдруг чувствую, как легким холодком в грудь проникает ранящее чувство недосказанности. Недосказанности того, что меньше, чем через полчаса мы уедем, и кто знает, когда снова свидимся с Блю Хоулом. Мы будем скучать по тебе! И обязательно вернемся. Может, даже через год, не позже. Ведь мы обязаны увидеться!

Менее чем через полчаса, загрузив уже опустевшие баллоны и мокрое снаряжение в пикапы, кавалькадой выдвигаемся с места погружения в Дахаб. От легкой тоски, которая никак не собиралась покидать, не могли помочь ни наши разговоры, ни добродушная улыбка во-

дителя-араба, вряд ли понимающего, почему посетивший один из лучших дайв-сайтов в мире российский дайвер покидает его с такими неоднозначными и смешанными чувствами. «Мальчик хочет в Тамбов... Но не летят туда сегодня самолеты и не едут даже поезда», — песенка из лихих 90-х сама собой нескончаемым мотивом напросилась под настроение и застряла в голове. Да уж, сегодня к арке Блю Хоула путь точно был закрыт.

Вечером, развесив на просушку наше снаряжение в дайв-центре и переодевшись в обычную одежду, через каких-то полчаса мы оказались на открытой террасе, расположенной на втором этаже неплохого кафе, куда мы решили вернуться вновь. Пахло морем и приготовленными внизу на углях морепродуктами. Через залив Акаба виднелись редкие огни не обжитой в этом месте территории Саудовской Аравии.

— Вадим, представляешь, сколько там неисследованных мест? Сколько там разных каньонов и Блю Хоулов! Вот бы там оказаться! — не отрывая глаз от ночной линии горизонта, мечтательно обращаюсь к лидеру нашей команды. Мечты при этом усиленно снабжаются яркостью звезд неба Ближнего Востока и легкой, едва различимой вуалью расслабления от аромата и вкуса местного светлого Stella, весьма кстати поданного под большой поднос с морепродуктами.

Так получилось, что наш приезд совпал с неприятными инцидентами, связанными с нападениями лонгиманусов — океанских длиннокрылых акул. По мнению ряда морских специалистов, именно этот вид акул повинен в нападениях на купальщиков в Шарм-эль-Шейхе в 2010 году, когда, к сожалению, один из случаев имел летальный исход. Все это не имело отношения к дайверам ни в одном, ни в другом случае, но все же египетскими властями предусмотрительно было принято решение о закрытии таких дайв-сайтов, как затопленный корабль «Тистльгорм» и морской заповедник Рас-Мохаммед. Конечно, все это накладывало отпечаток на багаж впе-

чатлений, за которыми мы сюда приехали. Ведь мечта побывать на «Тистльгорме» прошла мимо...

Ход моих расстроенных мыслей прервал Вадим.

— Да, берег Саудовской Аравии хранит свою тайну, как сюжет из «Сказок тысячи и одной ночи»! Восток ведь — дело тонкое. И наверняка там есть и свои каньоны, и Блю Хоулы! — делится своими мыслями организатор нашего дайв-сафари.

— Кстати, о Блю Хоуле завтра поговорим с местным дайв-центром. Надо узнать, при каких условиях мы могли бы совершить проход арки послезавтра, — резюмирует Вадим.

«Арки? Ты сказал „арки“!? — в голове, казалось, стал ощущаться резко учатившийся пульс. — Впрочем, посмотрим. Вряд ли по техническим условиям нам разрешат ее пройти...» — не переставал думать я, даже оказавшись спустя час в номере отеля и засыпая в приятной прохладе работающего кондиционера.

— Воздух. Возьмете с собой баллоны с увеличенным объемом. 15 литров. Уровень сертификации у каждого какой? Так, еще один баллон каждому — в качестве стейджа. Деся-

В некоторых случаях природа и оставляемые нами узоры на песке сами напрашивались в кадр — готовые обои для рабочего стола компьютера

тилитровые. Забьем их найтроксом, переключитесь на него на подъеме, и будете дышать им на декомпрессии. Запаса обоих газов хватит с лихвой. С вами пойдут два наших гида. Вместо одного баллона у них будут спарки, на всякий случай. Разделитесь на две небольшие группы, каждую из них возглавит гид. Они ребята опытные, арку проходили много раз. Вам будет спокойнее, подстрахуют если что. И, конечно же, покажут дорогу, чтобы воздух не расходовать попусту в поисках арки, — по-военному четко, короткими фразами проводила на следующий день брифинг Надежда, представляющая местный дайв-центр.

Сложно было поверить в происходящее! Мы обсуждали возможность пройти арку в этот раз, но по объективным причинам решили, что это будет в следующем году. И вот мы возвращаемся в Блю Хоул!

Странное существо человек — то, что еще вчера вызывало прилив сильнейших эмоций, сегодня было полностью замещено логикой рассуждения о предстоящем погружении. Эмоций

нет. Совсем! Только рассуждения в стиле игры в шахматы: если я сделаю вот это, это приведет к этому. Если произойдет то, я отвечу этим. На каждый шаг строился расчет последствий, и на каждый возможный форс-мажор готовился ответ. Все-таки на такую глубину опыта погружений еще не было. Последнее глубокое погружение было 8 месяцев назад, на Мальдивах, где компьютер показал 46 метров.

Как метко сказал в книге «О чем я говорю, когда говорю о беге» Харуки Мураками, решивший после марафонской дистанции пробежать сразу 100 километров, все, что было для него после марафонских 42 километров, становилось равносильным прохождению через Гибралтарский пролив и выходу в безбрежный Атлантический океан. Океан, где его корабль еще никогда не был.

Казалось бы, 46 и 53 метра разделяют какие-то 6 метров. Но, во-первых, с ростом глубины резко увеличивается расход воздуха из баллона. А во-вторых, возрастает вероятность возникновения азотного наркоза, влекущего некото-

рую степень неопределенности в поведении дайвера на такой глубине. Спектр такой неопределенности спрогнозировать не представляется возможным — это может быть и безудержная эйфория, и состояние паники. По понятным причинам ничего хорошего ни то, ни другое не сулит.

Через час мы разгружали наши джипы рядом с Блю Хоулом. Таская баллоны и собирая свой комплект снаряжения, украдкой бросаю взгляд в темно-синее чрево разлома, начинающегося сразу в нескольких метрах от воды. На поверхности разлома беззаботно барахтались снорклеры, пытаюсь, насколько позволяет длина трубки, опустить вниз голову и что-то разглядеть внизу. «Интересно, они знают, куда мы сейчас собираемся?» — невольно подумалось в этот момент.

Еще через 15 минут мы сидели в 5 метрах от берега на камнях. А в метре от нас начинался разлом. И пока у одного из нас решался вопрос с возобновлением корректной работы компьютера, я думал: «Ну здравствуй, Блю

Хоул! Я вернулся. Позволь коснуться твоего сердца. Ведь покажешь арку?»

«Так, отставить эмоции! Включаем другое состояние: холодный расчет. И ничего кроме!» — вставляя в рот загубник и делая первый вдох в толще воды, подумал я. В этот момент гиды показали привычный вопросительный жест: «Все о'кей?» Отвечаем дружно, как и положено: «Все о'кей!» Следующим жестом в виде кулака и отведенного вниз большого пальца гиды дают команду на погружение. «Ага, парни, поехали!» — невольно вспоминаются гагаринские слова и, отвечая аналогичным жестом, медленно начинаю стравливать воздух из жилета.

Мы идем вертикально вдоль стенки рифа. Скорее даже, не идем, а, подобно парашютистам, приняв горизонтальное положение и выставив перед собой руки с размещенными одна над другой ладонями, проваливаемся вниз, постоянно корректируя скорость погружения.

Медленно, затем все быстрее и быстрее начинают меркнуть краски кораллов. Море

Сложно, а порой и невозможно было поверить в то, на что способна сила ветра! Пустыня не была нашей главной целью — все-таки мы дайверы, наше место в воде, но увиденное потрясло и заставило в очередной раз убедиться, что красиво может быть везде. Надо лишь только на это обращать внимание!

не пускает сюда солнечные лучи, позволяя лишь оттенкам крайней — синей и фиолетовой — части спектра подсвечивать нам дорогу. Компьютер исправно отмеряет пройденное расстояние — сначала в метрах, а потом в какой-то момент счет переходит уже на десятки метров. Десять, двадцать, тридцать...

Не прекращаю контролировать глубину. И вот 46,5 метров — граница предыдущего, мальдивского глубокого погружения. Идем дальше. 47 метров. Личный рекорд побит. Интересно, действительно Харуки Мураками, как он описывал в своей книге, чувствовал себя машиной для бега, когда пересек свой Гибралтар? Пытаюсь понять, что в этот момент происходит со мной. Нет, не машина. Совершенно точно не машина. Я жду появления арки! Мысль о прикосновении к сердцу Блю Хоула будоражит сознание. «Так, дружок, что

там тебя будоражит?» — ловлю себя на мысли о возможном действии азотного наркоза. Нет, мысли ровно такие, какие были и на поверхности. Не больше и не меньше. Ну не бывает без эмоций, когда ты впервые сталкиваешься с тем, что еще недавно казалось для тебя абсолютно недостижимым. Ведь и первыми словами Юрия Гагарина, прозвучавшими в эфире, были тоже эмоциональные краски: «Я вижу Землю! Она так прекрасна!» «Ладно, немного расслабься, но держи под контролем все происходящее!» — внутренний голос дает команду к получению удовольствия от предстоящего созерцания арки.

50 метров. Вокруг сумерки. Даже сине-фиолетовые оттенки море неохотно пускает сюда. Лишь наша команда постепенно, метр за метром, отвоевывает у моря глубину. Проверяю давление воздуха в баллоне — все в порядке.

На всякий случай руками проверяю наличие октопуса на жилете. Тоже полный порядок.

За рутинными, но необходимыми манипуляциями на такой глубине на мгновение отвлекаюсь от вида меняющейся перед глазами картины. Заканчиваю проверку оборудования и в какой-то момент замечаю боковым зрением, что впереди становится чуть светлее. «Что это?» — успеваю задать единственный вопрос самому себе и тут же получаю на него ответ — это дугообразный проем в вертикальной стенке рифа, сквозь который видна синева открытого моря за ним.

Арка!!! Ну, здравствуй, сердце Блю Хоула! Некоторое время мы будем вместе, но потом я уйду наверх. А ты останешься здесь. Ровно там, где каждый из нас и должен находиться!

В этот момент гиды, шедшие метра на полтора-два глубже нас, разворачиваются лицом, показывая знак «О'кей?». «О'кей, парни!!! Еще и какой о'кей!» — показываю ответный жест сразу двумя руками. Невольно взгляд переводится с гидов на арку. Как же это красиво! Чарующие сумерки и силуэт арки... Бездна моря, за ней простирающаяся...

Медленно всплываем в арку. Чтобы не удариться головой о коралловые наросты на ее потолке, немного опускаюсь вниз. «Вниз? А давай-ка глянем, что там с глубиной?» — отдаю сам себе команду и подношу к лицу компьютер, закрепленный на запястье левой руки. 58,5 метров! Ого! Раз на такой глубине сам себе отдаю команду на совершение контрольных действий и трезво оцениваю полученный результат, значит, «азотка» не берет. Тем не менее рисковать не стоит, возвращаюсь на уровень глубины, где находятся все. Силуэт арки и открывающийся безграничный темно-бирюзовый вид за ней вновь привлекают внимание.

Чтобы не потерять чувство реальности происходящего, перевожу взгляд на более привычные вещи — цифры компьютера, стрелку манометра и очертания друзей-дайверов. Все в порядке.

По условиям погружений на такой глубине нельзя долго находиться, кровь активно насыщается азотом и затем потребуются декомпрессионная остановка для его безопасного выведения. Все это предусмотрено планом «А» текущего погружения, ничего непредвиденного в этом нет. Ведь недаром там, наверху, мы обсуждали в ходе брифинга любую мелочь, тем самым максимально взяв на контроль различные варианты развития предстоящего погружения.

Отследив время окончания пребывания на заданной глубине, гиды жестами дают команду на подъем.

«Спасибо тебе, Блю Хоул! Ведь впервые о существовании твоей арки я узнал из издания National Geographic. А теперь вот, видишь, встретились! Спасибо тебе, арка! Я знаю, что еще долго буду вспоминать тебя. Кто знает, может, свидимся еще раз. А сейчас — прости, мне пора туда, наверх!» — резюмирую я, прекращая поток эмоций, охвативших в этот момент, и снова концентрирую внимание на работе оборудования, считывания с компьютера данных о безопасной скорости всплытия, силуэтах гида и своего бадди.

На запланированных 16 метрах открываю вентиль второго баллона и перехожу на дыхание найтроксом — газовой смесью, обогащенной кислородом с обычного 21 до 57 %. Такое обогащение воздуха кислородом позволяет заместить азот, тем самым значительно сокращая время декомпрессионной остановки на глубине 5 метров. «Висеть» на такой глубине придется 20 минут — ровно столько требуется на безопасное завершение нашего погружения.

Все идет по плану «А», мы уже практически на поверхности. От нечего делать начинаю прокручивать в голове весь ход событий: мечта ведь сбылась! Метрах в десяти по горизонту Вадим просматривает фотографии, снятые там, на глубине. Подплываю к нему: арка запечатлена в электронных пикселях камеры!

Но самое главное — она теперь запечатлена и в душе, и в сердце. Навсегда!